

Замчалов Григорий Емельянович

Велосипеды

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Емельянович З.**
Велосипеды / Замчалов Григорий Емельянович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 44 с.

ISBN 978-5-519-85626-3

ISBN 978-5-519-85626-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Мы с Петькой были „мальчиками“ в магазине: он в обувном отделении, а я—в мануфактурном. Это еще давно было, при старом режиме.

Теперь в магазинах даже не знают, что это такое „мальчики“, потому что и названия такого нет. Есть торговые ученики. Они работают только шесть часов в день и, кроме прилавка, ничего не знают. Научатся продавать, товар весь узнают и сейчас же продавцами делаются. Обращаются с ними хорошо, как с большими. Да они и правда большие—моложе четырнадцати лет не бывают.

А нам было: Петьке—одиннадцать, мне—десять. Работали мы целый день: с семи часов утра и до десяти часов вечера. Подметали, мыли полы, бегали приказчикам за водкой и за колбасой, а когда нечего было делать, стояли за прилавком.

Торговать нам не давали. Старший приказчик, Захар Иванович, у нас сердитый был.

Как увидит, что кто-нибудь из нас с покупателем разговаривает, сейчас же подойдет, посмотрит через очки и скажет:

— Мальчик! Тебе еще рано. Ты должен учиться, много учиться. Понял?

После, когда покупатель уйдет, он поднимет свой длинный толстый палец и грозит им:

— Я т-тебе, паршивец, сколько раз говорил, чтобы ты не лез к покупателям!

А все из-за жадности. Так он платил нам по пяти рублей, а если бы мы научились торговать, то нужно было бы прибавлять нам. Какой же дурак стал бы ему тогда служить за пять рублей?

Мы с Петькой прозвали его Сычом за то, что он всегда ходил надутый.

Один раз в магазине народу было много, приказчиков нехватало. А тут женщина пришла. По одеже — ничего, не очень бедная (у нас хуже бывали), только либо несмелая очень, либо чудная какая-то. Стала у прилавка и стоит. Приказчики на нее никакого внимания не обращают. К другим, которые побогаче, подлетают, ногами шаркают.

— Пожалуйста, будьте любезны, чего изволите-с-с? Прикажете отрезать?

А на нее даже не смотрят. И она — ничего, молчит, дожидается.

Я оглянулся, вижу — Сыча нет в магазине. Подошел к ней и спрашиваю, как приказчик:
— Чего изволите?

Она задумалась о чем-то крепко-крепко и не расслышала. Я еще раз спросил:

— Вы чего хотите?

Опять не расслышала. Как-будто заснула, только что стоит на ногах да глаза открыты. Я уже хотел опять спрашивать, но она сама очнулась. Вздрогнула и на меня посмотрела.

— А? Что?

— Вам чего нужно?

— Мне... Я, милый, не знаю...

Тут уж я испугался. Лицо у нее сделалось белое, как известка, а еще смеяться хочет. Я скорей выбежал за прилавок, принес ей стул и тихонько говорю:

— Садитесь. Садитесь, а то вы упадете.

Она посидела немножко, потом попросила воды ей принести стакан. Выпила и уже по-настоящему улыбнулась.

— Вот, спасибо, милый. Теперь уже все прошло. Ты мне дай этого... знаешь, что-нибудь...

Вдруг, откуда ни возьмись, Сыч. Глаза под очками выпучены, подбородок бритый, усы тоже бритые. А из носа волосы торчат, длинные, седые.

— Тебе сколько раз нужно кричать!..

Увидал покупательницу и осекся. И по-другому, ласково так закончил:

— Мальчик, пойди во двор. Там работа есть.

— Захар Иванович, я с покупателем занимаюсь, мне нельзя.

У него глаза сделались совсем круглые и большие, такие же, как очки. А волосы в носу зашевелились.

— Мальчик! Я вам сказал, что нужно идти во двор! Иван Карпыч, — позвал он приказчика, — будьте добры заняться с покупателем.

Женщина заступилась за меня:

— Зачем вы его уводите? Он такой славный.

У Сыча сразу две складки возле губ. Это он смеялся так. Голову на бок согнет, глазами под прилавок и как-будто кот сало ест.

— Мадам, простите! У него есть свои обязанности.

Когда он так говорил, мы уже знали, что наверно что-нибудь привезли и надо идти таскать с возов тюки. Или перекладывать что-нибудь в кладовой. Мне неохота было уходить от покупательницы, и я сказал:

— Захар Иванович, нельзя что ли после немного! Вот бы кончил, тогда бы и пошел.

Ух, как он осерчал! Вся лысина аж покраснела. А ругаться при покупательнице нельзя. Он то к ней обернется, то ко мне. На нее посмотрит — складки возле губ, а на меня — того и гляди слопают.

Я подождал немножко, чтобы позлить его, и пошел во двор.

Ворота были уже заперты, извозчиков не было. На дворе стояли какие-то длинные ящики. На одном сидел верхом Петька. Он еще издали крикнул мне:

— Что, Сыч прогнал?

— А то кто же.

— Я видел, как он тебя. Это он осерчал, что ты долго не откликался. Он кричит, а ты не слышишь.

— Чего это привезли?

— Не знаю, должно быть, в галантерейное. У нас не такие ящики, а вам всегда в кипах присылают.

— Петька, давай подольше возиться. Раз он такой, пускай злится.

— Давай.

Мы стали открывать ящики и каждый гвоздик вынимали два часа. Сыч прибежал — у нас еще ни одного нет открытого.

— Что вы тут возитесь! О, дурачье! Ничего не могут сделать как следует.

Взял, сам выдернул три гвоздя и опять убежал в магазин.

Кое-как мы открыли один ящик. Раскопали сверху бумагу, паклю, вынули что-то круглое, тоже в бумагу завернутое. Развернули, и оба подпрыгнули.

— Велосипеды!

— Кататься будем! Правда, Гришка?

— А как? Я не умею.

— Я тоже не умею, да мы научимся.

— И правда, научимся, а потом, когда приказчиками будем, свои купим.

— Нет, они дорогие. Рублей по тридцать, должно быть.

— Ну, что же, зато мы и денег будем много получать.

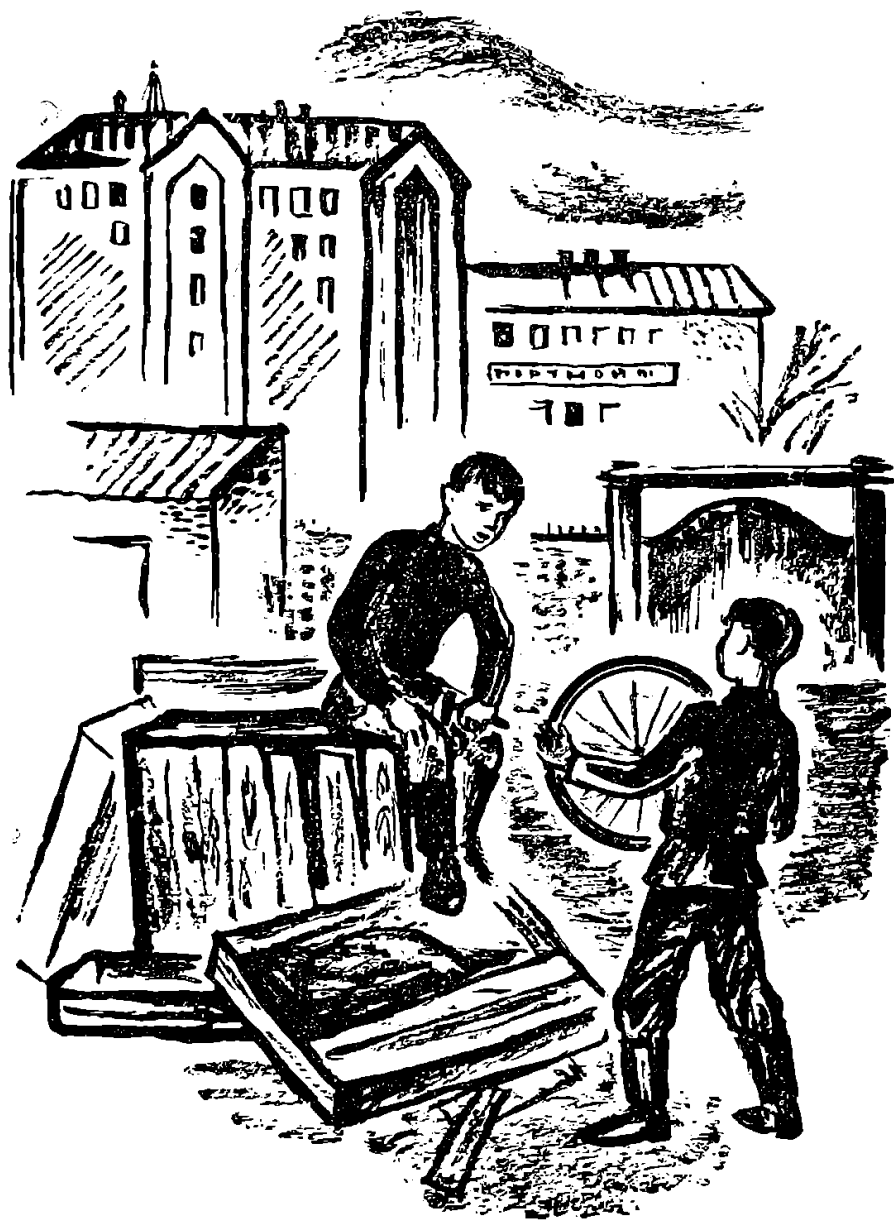
Заведывать велосипедами назначили нового приказчика, Федора Васильевича. Он собрал штук десять и поставил в нашем отделении, у стены, между витринами.

Мы в этот день не пошли обедать: сказали Сычу, что будем пыль обметать везде. А сами, как только он ушел в канцелярию, скорей к велосипедам. Выбрали один — маленький, детский, как раз для нас подходящий, и заспорили, кто первый поедет. Уперлись оба, никто не хочет уступить. Ну, кое-как сговорились.

Петька стал садиться, я держу велосипед. Уже совсем было наладились ехать, но тут Петька что-то увидел.

— Гришка, посмотри: тут что-то неправильно.

Я посмотрел — на колесах шин нет. Так все хорошо, правильно, а шин нет. Что тут делать? Я вспомнил, куда Федор Васильевич положил все принадлежности к велосипедам. Побежал, выбрал две маленькие шины, попробовал надеть их — ничего не выходит. Бились мы, би-

лись, так и пришлось поставить велосипед на место. Петька совсем нос повесил.

— Зачем,—говорит,—тогда и покупали их, раз нельзя даже покататься.

Я старался виду не показать, но мне тоже было досадно. Что, в самом деле, стоят новые велосипеды и никому от них пользы нет.

После обеда пришел покупатель. Федор Васильевич показал ему велосипед с высоким седлом, гоночный. Потом взял железную трубочку и стал накачивать. Покачал немного, шины напружились, стали твердыми. Он взялся за седло, приподнял немного и тихонько стукнул об пол. Велосипед подпрыгнул, как мячик.

Я увидел это, и мне самому захотелось уметь так. Даже еще лучше: чтобы я все знал про велосипеды и все умел сам. Даже чтобы новый умел сделать.

Гоночный велосипед продали. Покупатель вывел его на улицу, прыгнул, как на лошадь, и покатыл. А Федор Васильевич пошел мыть руки. Я догнал его в задней комнате.

— Федор Васильевич, научите меня, чтобы я мог велосипеды собирать.

— Зачем это тебе?

— Так. Охота. Люблю я их очень.

— Ну, что ж, будем учиться. Дело нетрудное.

— Вам еще лучше, правда, Федор Васильевич? Я все буду делать сам, а вы только с покупателями разговаривать.

После этого, когда в магазине никого нет, Федор Васильевич показывает мне, какие части в велосипеде, как они называются, как их собирать надо. Я смотрел и старался запомнить.

Когда Федор Васильевич был занят, я уходил в заднюю комнату. Там тоже было много велосипедов, только несобранные. Я осматривал винтики, части всякие, приставлял их друг к другу и пробовал собрать весь велосипед.

Сначала трудно было. Все путалось, не приставало одно к другому. Я по двадцать раз собирал и снова разбирал. Про торговлю я забыл и в магазин почти вовсе не ходил. Только — если приказчики звали, или Сычу надо было послать меня куда-нибудь.

По утрам Петька приставал:

— Гриша, когда кататься будем?

— погоди, тут не до катанья. Научиться надо сперва.

— А скоро ты научишься?

— Скоро, скоро, не лезь только.

Раз мы поспорили с Федором Васильевичем. Я стал привинчивать к Дуксу¹ руль. Он не посмотрел как следует и говорит:

— Ты не тот руль взял. Это — от Энфильда¹.

— Нет, от Дукса.

— А я тебе говорю — от Энфильда. Я лучше знаю.

¹ Дукс и Энфильд — названия велосипедных заводов.

— Федор Васильевич, посмотрите: он же крутится. Его можно повернуть ручками хоть вверх, хоть вниз. А энфильдовых у нас нет таких.

И вышло по-моему. Он разобрался, видит—я правильно говорю.

— Ого, ты, брат, у нас становишься спецом.

Другой раз я один собрал весь велосипед: шины с камерами надел, надул их, даже тормоз и звонок приделал. Вывел в магазин, Федор Васильевич осмотрел все, потрогал ручками.

— Правильно,—говорит,—все, как надо.

— Теперь мне можно продавать?

— Попробуй, что же. Я посмотрю за тобой. Чего наврешь, поправлю. Ты сам-то умеешь ездить?

— Нет, не умею.

— Вот это плохо. Покупатель спросит: какой ход? А ты и не знаешь. Ты уж тогда говори, что легкий. Идет, мол, как по маслу.

Вечером, когда шли домой, я сказал Петьке:

— Завтра будем кататься.

Раньше Сыч ругался, что мы вечером торопимся домой, а утром опаздываем. Мы, и правда, бывало, как закроют магазин, сейчас же с прилавка уберем, товар на полки кое-как повтыкаем—и бежать за лейками да за щетками.